

Галина Юхманкова

ИЗ ДЕТСТВА

Галина Юхманкова

Из детства

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26532649

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-90028-8

Аннотация

Воспоминания о детстве. Россия, 70-80е годы прошлого века. Провинциальный подмосковный городок, незатейливый быт советских обывателей, контраст старого и нового глазами ребенка. А также утренники в детском саду, советская школа и бесконечные летние каникулы в деревне. Обложка создана мной лично и является мой собственностью, представленные фотографии – из личного архива (последняя информация – требование ЛитРес)

Галина Юхманкова

Из детства

Часть 1. Детство

У меня мама – военный. Ну, не совсем настоящий, а как будто, понарошку. Она в военной части работает. Там только моряки и офицеры – настоящие военные, и маршируют в форме. А женщины все – они на электронно-вычислительных машинах печатают. И формы у них нет военной. Жалко. Мне форма военная очень нравится. Синие кители, пуговицы блестящие. Кокарды золотые на фуражках, кортики в сумочках специальных. Кортики – ножики такие большие. Рукоятки у них широкие, резные, с позолотой. Жалко, что женщинам форму в военной части не дают. И кортики не дают тоже....

Там вообще все смешно очень в военной части: моряки есть, а моря-то и нет. Ага, нету моря совсем! Это же Москва почти. Тут никаких морей не бывает. Речки только разные. И у мамы в военной части – тоже речка маленькая. А моряки думают, что это – море, и на лодках по нему плавают. Забавные такие! Наверное, они и моря не видели никогда. Как его можно с речкой спутать? А они путают, и Праздник Нептуна всегда устраивают. Глупые. Тельняшки свои снимают, красками раскрашиваются, короны картонные на голову надевают, и в речку прыгают! Как дети прямо маленькие. Я вот да-

же в школу еще не хожу, а чтобы вот так – ну, ни за что бы не вымазалась! Стыдно ведь... Зрители сидят, на моряков этих смотрят, и удивляются. Женщины-то многие, конечно, даже радуются. Почему, интересно, они радуются?

Я люблю, когда мама с работы пешком идет. Через лес Пучковский. Она тогда земляники много приносит, прямо на веточках. В лесу земляники много, и крупная вся! И мама радостная. А меня уже бабушка из детского садика забрала, и я маму дома жду. И землянику тоже.

Меня мама только отводит в садик, а забирают бабушка и тётки мои. Тетя Валя и тётя Рая. Потому что мама на работе, а потом в Москву едет, учиться. Ей в институте интересней, чем со мной. А тётки все дома. И им со мной интересней. Они у меня хорошие. Только тётя Валя мне колготы узлом связывает, чтобы я не бегала много.

Мы раньше с бабушкой и дедушкой жили, на поселке. Там хорошо, и мышей нет. А в маминой деревне есть мыши. Спишь в терраске, и слышно, как они за стенкой над ухом бегают. Страшно. Не люблю в деревенской терраске спать. А вот на поселке – люблю. Дом у дедушки большой, финский, красивый такой. Как у Кржемелика и Вахмурки из мультфильма, и внутри – чисто. Яблони в саду растут. Бабушка у меня добрая, всю клубнику из компота разрешает съедать.

Собака там есть – Тобик. На лисичку толстую похож. Рыжий, а лапки коротенькие. Хороший. За просто так не бре-

шет. Так дедушка говорит. Не лаёт громко, то есть. И тарантас у меня на поселке деревянный. Меня дедушка в нем по саду катает. Там колёса маленькие к деревяшке привинчены. И гнутые перекошки по бокам. Это ходунки мои раньше были, когда я ходить не умела. А теперь дедушка тарантас смастерил. Только однажды я в тарантасе этом застряла. Когда уже подросла немножко. Ох, я и испугалась! Ни рук, ни ног вытащить не могла! Я тогда громко очень кричала. От страха. Даже соседи заволновались, что это с ребенком случилось. А всего-то я просто выросла! И мы в квартиру новую переехали, в Академгородок, на Пионерскую. Мама в институте работала, и ей квартиру от института дали. За то, что она там работает.

Квартира наша удобная, на первом этаже. Не надо по лестнице подниматься, как другим. В кухне – подвал большой, подпол называется. До нас здесь фотограф жил, и фотографии в подвале делал. Из фотоаппарата на бумагу. Интересно

очень и здорово! Мой папа тоже фотографии делает. Лоточки у него красивые, прозрачные. Оранжевый и красный. Яркие такие! Там у папы вода налита. Пинцетики металлические, блестящие, рядом лежат. И баночки круглые, где опасные химикаты, проявитель и закрепитель называются, и мне трогать нельзя. Фотоувеличитель большой в подполе стоит. Кувшин длинный. Как в магазине «Соки-воды», только другой. Из железа, и серебристый весь.

Свет в ванной нельзя включать, когда мы с папой фотографии делаем. Пленка засветится, и не получится ничего. Люблю смотреть, как папа фотографии делает. Он пустые листочки в воду кладет, пинцетиком придерживает, и на них картинки появляются! Вот Тобик, вот я с бабушкой, вот мама идет. Потом картинки мокрые на большой прозрачный лист из плексигласа наклеивать надо. И скалкой специальной резиновой по ним катать. Чтобы вода ушла, и фотографии высыхали быстрее. А потом фотографии с плексигласа собрать надо, и под тяжелый пресс положить. Чтобы выпрямить. Потому что сгибаются сильно. Очень мне интересно фотографии с папой делать. Жалко, спать пора. Завтра – в садик.

У нашей группы веранда на дорогу выходит, на улицу Юбилейная. Садик наш новый, красивый такой весь. Здесь у всех детей мамы и папы в институте работают, где мама моя. Сначала я в ясли старые ходила. Одноэтажные совсем, и яблони вокруг насажены. И запах молочной каши стоит.

Только эти ясли я не помню вовсе. Я маленькая была. Всего один годик. Мама говорит, я ревела всегда и капризничала. Не хотела, потому что, рано утром из дома в ясли уходить, когда темно еще. И почему не хотела, интересно? У нас и воспитатели были хорошие, Таисия Александровна и Анна Ивановна. И нянечки добрые. Они с нами из яслей в старый садик перешли, рядом. Но, конечно, новый садик, на Юбилейной, намного лучше!

Только однажды зимой у меня здесь санки украли. Новые совсем, со спинкой. А оставили нам старые какие-то, без

спинки. Обидно очень. Ну, зимой-то вообще не весело. Холодно потому что, и валенки в сугробах застревают, если на горке играешь. Дворники горки снежные около подъезда наваливают, и здорово забираться, кто выше. А валенки – на вырост, и в снегу теряются. Глубоко очень, и не достать. Мне тогда домой босиком идти приходится, в носках шерстяных. Дома мама ремень достает, и ругается. А папа идет валенки искать.

Зимой я вообще люблю на посёлок к бабушке с дедушкой приезжать. На санках. Дедушка мне горку в саду заливает. И я в большом белом тазу скатываюсь далеко-далеко, до Тобиковой будки. Тобик меня носом холодным обнюхивает и

хвостом виляет.

Обратно в городок папа мешок картошки от дедушки берет. И банки с огурцами солёными и капустой. На моих санках. А я тоже на санках хочу, потому что – в горку, и идти неудобно. Взрослым-то хорошо, они вон, оденутся себе, как хотят. Пальто, сапоги модные... И идут в горочку легко. А тебе тут и валенки с галошами, и три кофты напялены, и шуба каракулевая на вырост в ногах путается. Платок из-под шапки на глаза лезет. Никакого удобства же! Мой папа добрый. Он меня всегда на санки сажает, если я долго очень ною. На санках – здорово. Мешок с картошкой неудобный, конечно. Зато я банки придерживаю, чтобы не упали вдруг. А мама моя – вот барыня какая – ничего не делает. Просто так себе идет, гуляет. Даже папе не поможет никогда.

Однажды зимой мы по речке замерзшей гуляли. Из маминой деревни в Академгородок пешком возвращались. И по речке прямо шли. Подо льдом водоросли видно, и воду с белыми пузырьками. Красиво очень. Только мама зачем-то начала каблуками своими по льду стучать. И лед гудеть начал страшно. И трещать даже. Я быстрее на берег убежала. На всякий случай, мало ли, что. Зачем мама каблуками стучала? Не пойду больше по речке гулять.

Но больше всего, конечно, я весну люблю. Потому что лужа большая около дома появляется, и там – камешки разноцветные всегда. Я куртку легкую надеваю, оранжевую, блестящую, и камешки в карманы собираю. Очень люблю ка-

мешки собирать. И одеваться тепло не надо.

И лето тоже люблю очень. Меня летом раньше из садика забирают. Мы после сна выходим на участок гулять — а уже и «Запорожец» дяди Ванин стоит, и папа идет за мной на веранду. И мне радостно. Никого на машине из садика не забирают, все рядом живут. А меня — забирают. Я, конечно, тоже рядом живу. Но мы по важным делам едем. Мы в Пучково едем, маму с работы встречать, из военной части. Мама сначала на служебном автобусе из части едет. Только автобус этот до микрорайона идет, где фабрика. А маме в научную часть надо. Мы на Солнечной теперь живем, в квартире новой, трехкомнатной. Далеко. А на фабрике институтов нет, только дома деревянные, и мужчины нетрезвые ходят. Поэтому мы маму на машине встречаем, чтобы она по фабрике одна не ходила. Так, на всякий случай встречаем, мало ли, что.

Люблю в лесу пучковском орехи собирать. И грибы с ягодами. А дядя Ваня на машине как раз из деревни возвращается. Он там отдыхает, у речки в машине сидит. Ходить потому что не может. А потом за мной в садик с папой заезжает.

Мы в Пучково около дороги в сторону сворачиваем, когда маму ждем. Чтобы пылью не дышать. А дышать полезным лесным кислородом. И на природу любоваться. На сосенки молодые, березки, орешник. В августе в лесу орехов много. Мы с папой большие сумки набираем, пока мамин автобус не подъехал. Только в лесу аккуратным надо быть. Потому

что здесь много вредных насекомых летает. И живут они ста-
ями в кочках и валежниках. Вот, например, когда-то давно
лес убрали, и ветки сухие свалили в кучу аккуратно. Мы
с папой через кучу полезли, а там – шершни! Осы толстые,
страшные, в полоску.

А лес я люблю. Особенно если веток нет, которые по носу попадают. И старых деревьев нет поваленных. У мамы в военной части хороший лес. Чистый. И белых грибов – море. За час можно три ведра набрать. Это даже если старые не срезать. А только молодые, крепкие. Мама моя молодец, что здесь теперь работает. Она, как квартиру новую в институте получила, так сразу сюда, в военную часть, работать и ушла. Что ей там, в институте этом? А здесь – офицеры все в красивой форме, и грибов много.... Я бы тоже ушла бы!

А бабушка моя в институте работать осталась, и дедушка тоже. Бабушка меня к себе на работу после садика часто забирает, в лабораторию космических исследований. Здесь почти все женщины – бабушки. Только не совсем еще старые. И на машинке печатной печатать разрешают. Клавиши у машинки круглые, и буквы стерты. Но стучит она здорово. Люблю на машинке печатать! Когда вырасту, на такой буду работать.

А дедушка у меня в другом здании работает, не знаю, в каком. Он приборы собирает, и спутники секретные иногда. Он вообще молодец, в экспедиции за границу плавает. На китобое.

Китобой – корабль такой, с него рыбаки китов огромных в море ловят. И в трюмы складывают. А на палубе приборы научные стоят, в ящичках специальных. И дедушка за приборами следит. Они потому что волны в воздухе ловят. А ка-

кие в воздухе волны-то? Волны же на воде только бывают...

Мой дедушка – хозяйственный. Он много вещей красивых из экспедиций привозит. Ковры, скатерти разные. Заграничные, пушистые такие, бархатные. С пастухами и пастушками, и цветов много. Очень они мне нравятся! Люблю их руками гладить. Еще кораллы под телевизором в тумбочке стоят. Из моря. Белые, колючие, высохшие. И клык моржовый с картинкой, мне трогать нельзя. Там пингвин нарисован. Так рыбаки делают, когда время есть свободное. Они картинки на клыках моржовых рисуют, а мне моржей жалко. И китов жалко тоже.

Еще я пилить на посёлке люблю. И гвозди забивать. Только мне не дают. Меня бабушка вышивать учит. Она красиво вышивать умеет, гладью называется. Салфеточки у неё, а на них фиалки вышиты. Как настоящие! А я только крестиком вышиваю. Не очень красиво.

У дедушки на поселке кроликов много. И свинка Машка есть. Большая, глупая очень. Всегда в грязи зачем-то роется. Пятачок вечно черный, неопрятный такой. И уши смешно болтаются, если по саду бегают. Она там бегают и к Тобику пристаёт. Тобик спит около своей будки, в тенечке. Там при-

ятно, и травой свежей пахнет всегда. Машка глупая вокруг него ходит, и пяточком своим толкает. А Тобик старенький, ему уже и волноваться не интересно. Он и не просыпается.

А кролики у дедушки в сарае живут. В клетках с сеном, и поилки на дверцы прикручены. Кролики – серые и черные. Мне черные больше нравятся. Они пушистые, и всех боятся. Дедушка маленьких крольчат за уши берет и мне на руки сажает. Их только за уши брать можно, иначе оцарапают. У них когти острые – ого-го! А одной мне нельзя в сарай заходить. Там яма глубокая, деревяшками накрыта. Это погреб раньше был. Давно еще, при старых хозяевах, когда дедушка с бабушкой молодые были. Они тогда старый дом купили, и новый на его месте построили. У меня вообще все бабушки с дедушками молодцы. У всех дома построены. И хозяйство есть.

Я тоже очень хозяйственная. В садике всегда много интересного на участке нахожу. Камешки красивые, бусинки разные. И у мальчишек наших вымениваю всякие вещи полезные. Вот один мальчик, например, принес в садик кольцо мамино. Золотое. С рубином. Он его другой девочке принес. А я мальчику мандаринку отдала, и он колечко мне подарил. Только воспитательница кольцо все равно отобрала. Потому что мальчик без спроса взял. Обидно очень. Зато я его весь день носила. Ни у кого такого не было, а у меня – было.

Мне многие мальчики камешки драгоценные из дома приносят. Я их прошу, они и приносят. Однажды я камешек в

нос случайно засунула. Во время «тихого часа». Я, конечно, не специально. Я посмотреть хотела, поместится он там, или нет. Он и провалился глубоко. Воспитательницы испугались сразу, что у меня кровь носом идет. Когда я камешек пыталась обратно выковырять.

Еще люблю, когда в садике на обед – компот с ягодами. Мы косточки берем, и в туалете сандаликами раскалываем. Потому что у сандаликов каблочки тяжеленные, из камня сделаны. Хорошо косточки раскалывают. А серединки мы кушаем. Вкусно очень. И гренки мне белые нравятся. Когда не в супе, а сухие еще. Меня однажды позже всех из садика забирали, ночью, и я плакала. Потому что на улице – темно, все дома уже, а за мной не идет никто! Мне страшно очень было и одиноко. Вдруг не заберут вовсе??? Вдруг про меня дома забыли, и мама теперь только младшего брата любит? Я плакала, и нянечка мне все гренки белые отдала. Целую тарелку! И я всё съела

Однажды нам сказали пижамы теплые в садик принести. И шапки с ушами, завязывались чтобы. Потому что в группе на «тихий час» окна будут открывать, а на улице – зима. «Закаливание» называется. Я совсем тогда и не замерзла. Только нос замерз сильно.

Мне в садике больше всего физкультурный зал нравится. Там обручи лежат, погремушки большие и мячики разноцветные. И мешочки черные с песком, маленькие, мягкие такие. Мы мешочки бросаем, кто дальше забросит, соревнова-

ния, как будто. И пианино здесь есть. Клавиши забавно проваливаются, если играет кто. Мы под музыку по залу маршируем, и упражнения делаем. Люблю по залу маршировать. И музыку люблю очень. У меня в группе друг есть, Серёжа Черток. Талантливый, и в музыкальную школу ходит. И на пианино играет красиво. «В траве сидел кузнечик» и «Кошачий вальс» тоже. Мне очень нравится. Сережа часто на пианино играет, когда воспитателям отойти надо. Он у нас вообще молодец. Красивый, и меня всегда слушается. Мы с ним, наверное, поженимся.

Утренники в саду тоже часто бывают. Когда Новый год, или Восьмое марта наступило. И мы для гостей выступаем. Гости все – наши мамы и бабушки. Они в зал приходят, и сидят в шапках, любуются. Я на Новый год всегда выступаю. Потому что стихи лучше всех рассказываю.

Сначала, в яслях, я Снежинкой была, и мама мне платье для выступления сшила, с мишурой блестящей. В магазинах потому что костюмов нарядных не продают совсем. Потом я Лисичкой была. Здесь костюм готовый дали. А потом два года я Снегурочку изображала. Потому что волосы белые. Мне мама тоже костюмы сшила. Красивые, как покупные. Один – тёмно-синий, бархатный. Шапочка, платье и сапожки. Мама вату накрахмалила, и по краям платья приклеила. Чудесный костюм получился! Второй костюм – голубой. Тоже с мишурой. Только из атласа, блестящий. И у меня там сапожки на чешки не налезали. А потом мама эти костюмы отдала куда-то! Не знаю, кому. Жалко очень! Они же мои были, мама мне их шила...

Мама у меня молодец. Она юбку Матрешки мне однажды сделала. Красную, в белый горошек. Для «Танца Неваляшек». Это где «мы – милашки, куклы-неваляшки, яркие рубашки». Но тоже потом отдала... Такая она нехозяйственная!

Зато, когда всех на прививки отправляли, мама не разрешила мне прививки делать. Потому что – аллергия, и прививки нельзя. Мы к врачам специальным ездили. В Москву. Там мне руку поцарапали остренько, и растворчиком на руку покапали. И рука распухла страшно, женщина-доктор сама испугалась, и домой нас сразу отправила. И сказала обязательно в Крым переезжать жить. Там у меня все будет хорошо, и аллергия пройдет. Но мама не хочет переезжать. Потому что у нее здесь дом, деревня, тётки все, дядя Ваня наш на колясочке. Как же она переедет-то? А я потерплю...

И кот у нас дома живет, Кузя. Старый, и глаза одного нет. Потому что с другими котами драться любит, и глаз ему выцарапали. Там теперь такая дыра страшная!

А на поселке котов нет. Были когда-то давно, а теперь нет. Потому что у дедушки – астма. Это у него после войны. Он разведчиком был, и много нервничал. От этого всегда аст-

ма бывает. И пальцев двух на руке у бабушки нет. Оторвало один раз, когда он через линию фронта переходил. И бабушку тогда домой сразу отправили, потому что без пальцев в разведчики не берут уже.

Бабушка моя тоже на фронте была. Только не далеко, а здесь, под Москвой, из зениток по самолетам стреляла. У нас и фотографии есть. Дедушка – в форме военной, красивый такой. Как артист иностранный. Высокий, и нос прямой. И глаза голубые. И бабушка в форме – тоже красивая очень. У неё глаза большие, черные-пречерные, будто там ночь. И волосы черные, кудрявые. А лицо – белое. Поэтому папа мой красивый родился. И я красивая тоже. А у мамы моей нос большой очень. У тёток всех носы нормальные, а у мамы – большой почему-то...

К бабушке на поселок брат иногда приезжает, тоже бабушка. Он – поп. В церкви работает. На Демиса Руссо из телевизора похож. Заросший весь, косматый. У него одна жена старая, а другие молодые все. Послушницы называются. Он с каждой послушницей по очереди в гости к бабушке на выходные приезжает. И мама моя с ним много разговаривает. Хочет как-то покреститься. Не знаю, что это. Наверное, хочет, чтобы у неё тоже много мужей было. А как же папа мой? Не хочу, чтобы мама крестилась. Ну это все! Потому что дедушка Боря, поп, даже и не воевал совсем. Представляете? Все воевали с немцами, а он – нет! Он на священника учился! Трус какой.

А мой дедушка – не трус. Он в детстве из дома сбежал, от родителей своих, из Вязьмы. На Балтийское море сбежал, в училище мореходное. Чтобы моряком стать. И на корабле служил, «Азимут» называется. Он капитанармусом там служил, и хозяйством заведовал. Только корабль утонул, и моряков всех в воронку затянуло. Дедушка мой, конечно, живой остался. Но испугался очень. И в разведчики ушел.

Он на гитаре играет здорово. Хотя у него двух пальцев на левой руке нет, клешня только страшная. Он клешней струны ловко зажимает, а правой рукой музыку играет. Цыганскую. Я так эту музыку люблю! Даже мурашки бегают, и слезы на глазах. И дедушка плачет, когда романсы поёт... Почему, интересно, он плачет? Наверное, домой, в Вязьму хочет. Я бы тоже в Вязьму хотела. Там у дедушкиного папы – Семёна – глубокий пруд был с карасями. И дом был красивый, двухэтажный, каменный, и лошадей много. Давно еще, до революции. Только я лошадей не люблю. Боюсь очень. Они большие потому что. А вот пруды я люблю.

И речку нашу люблю тоже. Я бабушку уговариваю на пляж сходить. Бабушка не хочет, конечно. Потому что – жарко, и идти далеко. А вот папа ходит. Он загорать очень любит, и я люблю тоже. Только мне скучно загорать. Мне купаться интересней. У нас в городке два пляжа есть. Один – перед речкой, где дачи писательские стоят, и пионерский лагерь «Высота» построили. Там – здорово. И идти удобно – по тенёчку все время. Второй пляж – у маминой деревни, в Бо-

таково. Это – уже через речку надо. Мы по мосту подвесному идем. Мост старинный, красивый, только качается подозрительно. Не люблю, если мост качается. Боюсь очень. А на высокой горке над пляжем – кладбище старинное. Там мои прабабушка и прадедушка похоронены. На самом краю, под березами большими. Их с пляжа видно.

В Ботаково моя бабушка родилась. В доме на углу. У меня вообще там родни много. Но я не знаю никого. Только бабушку Нину знаю, и тётю Зину. У бабушкиного папы кузница тут была. До революции. И лошади были, и конюшня. Почему-то тогда у всех лошади были, и дома большие. А сейчас – нет ни у кого. И кузниц нет тоже. И домов нет больших, каменных. Почему так?

Я бы хотела, чтобы у меня дом был. Двухэтажный, каменный, как в «Мисс Марпл». Уютный такой, и плющ вьется. Цветы под окном. И чайная на первом этаже. Это где люди приезжают, и чай могут попить. У моей прабабушки в Былово чайная была. Только не в самом Былово, а рядом. В Полянах. И постоялый двор был. Это, например, едут какие-нибудь люди по своим делам. Издалека едут. И устают очень. Им кушать и спать хочется. Потому что ночь на дворе. Они на постоялый двор заворачивают, чай пьют, и спать ложатся. Удобно очень! А сейчас постоялых дворов нет, и чайных нет тоже. Жалко. Мы иногда в гости к тёте Тане едем, в Болшево, и я устаю очень. Потому что сначала – на автобусе до Москвы ехать надо, потом – на метро, и на электричке еще

час. Далеко. И мне хотелось бы чаю с пирожными где-нибудь попить. А – негде. Только кафе одно на вокзале попадает-ся. Грязное такое, и на обед всегда закрыто. Или на учёт какой-то... Очень неудобно! Вот раньше удобно было. До революции еще.

Мы, когда революцию празднуем, всегда на парад с институтами идём. Люблю на парады ходить. Весело и народу много. Все с цветами идут, флажками размахивают. Цветы-то, конечно, не настоящие. Из бумаги разноцветной сделаны, и на палку деревянную примотаны. Но все равно красиво.

А если парад долго идет, я замерзать начинаю. Ведь зима почти, и холодно. Я на парадах на машине ехать люблю. С флагами и транспарантами. Машины грузовые досками торжественно обвешивают. С картинками разными. И в кузов люди забираются. Только туда не всех пускают. А только сотрудников, кто в институте работает. Или передовиков производства. Меня папа на такую машину сажает. Потому что он – передовик, и приборы новые изобретает. А сам рядом идет. Мало ли, я упасть могу.

К нам в квартиру на праздник революции вся родня соби-

рается, и на полу ночует. На матрасах толстых. Потому что места нет.

И мне не нравится. Не люблю, когда людей в квартире много, и мне на полу спать не дают. И дети их наши игрушки ломают и разбрасывают. А потом собирать не хотят. Всегда мне собирать приходится. Потому что я – старшая.

Тётки после еды песни петь начинают. Народные. Страшно очень, как гуси на речке кричат. И мама моя с ними. А мне убежать сразу хочется, и спрятаться. Не люблю такие

песни. Некрасивые они, глупые и крикливые какие-то. Я органную музыку только люблю. Инструмент такой красивый – орган называется. И музыка там прекрасная, я ничего лучше в жизни не слышала! А еще Челентано люблю, и Бониэм. Это певцы иностранные, у папы на магнитофоне записаны. И Бах записан тоже. Папа мою музыку любит. А мама – нет. Она громко петь любит, и тётки все. А мне и пойти некуда. На кухню не пускают, там мужчины стоят, курят. И дверь закрыта. Только запах все равно в комнаты идет, и мне не нравится.

Дядя Ваня наш тоже курит. Он и не в праздники даже курит, а когда к нему в гости дядя Миша соседский приходит. Из соседней квартиры. Страшный такой, большой весь. На руках картинки синие нарисованы. Он в каком-то штрафбате в войну воевал, и ему там картинки нарисовали. Только я его не боюсь. Потому что он добрый. Хоть и говорит страшно, рычит, как будто...

Дядя Миша соседский – молодец. Он балкон себе остеклил, когда мы все в новый дом на Солнечной заселились. Ну, окошко стеклянное на балконе сделал. И нам тоже сделал. Потому что папа не умеет балконы стеклить. А дядя Миша – умеет. Только пахнет от него всегда плохо. Потому что пьёт много. Так мама моя говорит.

У дяди Миши жена есть, тётя Тоня. Тоже хорошая. Она меня крючком вязать научила, и спицы подарила. Длинные, с наконечниками красивыми. А детей у них нет.

И у тёти Вали нашей детей нет. Муж есть, а детей нет почему-то. Зато машина у них есть, «Москвич» называется. Тёмно-синий. Блестящий. Они на нём в Крым на всё лето уезжают. Потому что дядя Володя – фотограф. Он фотографии красивые делает. У меня много фотографий цветных. Это он фотографировал. А еще серёжки у тёти Вали есть красивые, золотые. С камнями разноцветными. Она мне их потом подарит.

Мы однажды тоже в Крым поехали. К тётё Вале, в Николаевку. Я с мамой, и тётя Таня с Женей и Пашей. Это мои двоюродные брат с сестрой. Мы на самолете ночью летели. Только мне аэропорт не понравился. Ждать очень долго, и стульев нет. А в машине меня укачало. И где мы жили – не понравилось тоже. Комнатка там малюсенькая, пол кривой. Окошко на сарай выходит. И пахнет, как в деревенском туалете, сильно очень и противно. Комнатка там малюсенькая, пол кривой. Окошко на сарай выходит. И пахнет, как в деревенском туалете, сильно очень и противно. А Жене, когда она заболела, золотую цепочку с подковкой подарили. Тётя Валя на пляже нашла. А я ничего не нашла. Только крестик какой-то старый под лавочкой. Ничего хорошего. Лучше бы

это я заболела

Мне только море в Николаевке понравилось, когда штор-
ма нет. И медуз нет кусачих. Эти медузы хитрые такие! Ма-
ленькие, прозрачные, их в воде и не видно вовсе. А как под-
плывёт и ужалит – так ого-го! Зато я стёклышек цветных в
песке насобирала, от бутылок разных. Стеклышки не острые
совсем, их водой обточило. И они как галька стали. Как ка-
мешки обычные, только прозрачные, разных цветов. А еще
мы дельфинов видели. Они вдоль берега в воде прыгали.

Бабушка с дедушкой раньше тоже на море ездили. В са-
натории. Им полезно. А сейчас всё дома сидят. И хорошо.
Потому что я могу у них на поселке с ночевкой оставаться,
пока мама с маленьким братом возится. У меня тут любимые
ботинки есть. Старые, малы мне уже. Титимбы называются.
Я их так назвала, когда маленькая была. И «ботинки» гово-
рить не умела. Поэтому – титимбы. Я в них по дому на по-
селке хожу. Потому что пол холодный. Мама говорит, что их
выбросить пора. А я не отдаю. Мои потому что, и жалко.

Мне дедушка книжки детские читает. Про трех дураков, которые на облаках прыгали, или про Крепышку, Перинку и Сладушку. Одна бабушка хитрая таких дочек себе придумала, когда её волк в лесу съесть хотел. А она его перехитрила. Сказала, пусть он придет лучше, и дочек съест. Которых у неё на самом деле и не было! Волк поверил, и отпустил старушку домой. А вечером пришел, и встал под окном. А старушка сказала, что заперла все двери крепко-накрепко, взбила себе перинку пуховую, и уснула сладко-пресладко. Это и были как будто дочки. Такая эта старушка молодец! Только мне больше сказка про принца-ужа нравится. Эс-

тонская сказка. Там картинки красивые. Три девушки стройные нарисованы, с большими глазами. И наряды у них красивые. А ужик – ну, такой разборчивый попался! Он себе в жены самую-самую красивую выбрал. На её одежду улегся, и не отдает. Красавице пришлось замуж за него выйти. И очень хорошо. Потому что ужик на самом деле принцем оказался. Он просто так прикидывался, чтобы невесту найти.

Я ужей боюсь, и змей всяких. Если на поселке из любопытства в подпол спускаюсь, всегда жду, что сейчас кто-нибудь из угла выползет. Подпол у дедушки хороший, сухой, банки с огурцами стоят, и с яблоками мочеными. Только я их не люблю, я просто в погребе стоять люблю. Но мне не разрешают. Опасно, потому что. Даже рядом с подполом стоять нельзя, если папа за картошкой полез. Все взрослые сразу в коридоре собираются, и меня отгоняют. А бабушка такую картошку вкусную жарит! С корочкой румяной. Запах на весь дом стоит. Только туалет у них на улице.

У бабушки с дедушкой яблок всегда много. Мне грушовка «Крымская» нравится. Желтая, яблоки длинные. И сладкие, как настоящая груша. Ни у кого таких яблок нет. Только у дедушки моего.

В маминой деревне тоже яблоки есть. Но они не вкусные все, кислые. И трогать нельзя. Потому что дедушка Иван, мамин отец, ругаться будет. И жена его ругаться будет, тетя Нюра. Она некрасивая вся, толстая, страшная очень. Трясется всегда. Только дядя Ваня, мамин брат, все равно в де-

ревню на целый день уезжает. Потому что там родился. Папа мой в городке дядю Ваню к «Запорожцу» в колясочке специальной выкатывает. Инвалидной. Передние колеса – большие, блестящие. А задние маленькие совсем. И сиденье упругое, кожаное, кататься удобно. Только мне не разрешают. Папа дядю Ваню на руки берет, и в машину сажает. Потому что дядя Ваня – инвалид. Не ходит совсем. Только на машине в деревню уезжает часто.

Я с прогулки домой прихожу, а в квартире нет никого! Очень мне грустно становится. Не люблю одна дома быть. Страшно одной потому что. Особенно – если похороны на улице, гроб несут, и музыка громко играет. А когда дядя Ваня дома – не страшно. Даже если мама с папой в кино ушли. Только лучше бы они дома телевизор смотрели.

Иногда дядя Ваня не едет никуда, потому что бензин из нашего «Запорожца» ночью слили. Своровали, то есть. И машина – на приколе. Так папа мой говорит. Это мальчик из соседнего подъезда по ночам бензин из машин сливает. Для своего мотоцикла. Мальчик этот днем с собачкой белой гуляет, болонкой пушистой, а ночью канистру железную берет, и трубочку гибкую резиновую. И к дяди Ваниной машине подкрадывается. Крышку круглую у бачка бензинового откручивает, и трубочку туда опускает. Бензин сразу к мальчику в канистру утекает. А утром папа ругается.

У меня подруги в нашем доме есть, Марина, Наташа, Оля. Мы все вместе гуляем. Только они вредничают иногда. Мя-

чик мой отбирают. Но я все равно с ними дружу. Потому что я – добрая. Мы около дома в «почекашки» прыгаем, или в «резиночку». Еще мячиком в «козла» играем. Надо мячик об стенку стукнуть, а потом его перепрыгнуть. Когда он о землю ударится. А для «почекашек» асфальт сухой нужен, чтобы «классики» мелом расчертить. И на одной ноге прыгать, и баночку круглую из-под гуталина ногой толкать. Из одного квадрата – в другой перепрыгивать. Сложно очень. Потому что на одной ноге ведь прыгаешь. А еще и баночка эта...

Если нас много гуляет, мы прыгалки связываем, и в «вылеталы» играем. Друг за другом под скакалкой стоим, и перепрыгиваем, когда она земли касается. Кто застрял – тот встает прыгалки крутить. Еще в «вышибалы» мячом можно. Только – подальше от дома. Чтобы в стекло не попасть.

Нам однажды стекло в квартире разбили, в большой комнате. Там – лес, и не видно, кто сделал. Очень холодно было. Потому что – зима, и Новый год. Мама окно одеялом заткнула, и подушкой тоже. Я Новый год люблю очень. Мишура, игрушки блестящие, подарки под ёлкой всегда. И конфеты есть можно. Только я в Деда Мороза не верю. Раньше верила, а потом подарки в шкафу нашла. Случайно. Обидно было. Но я все равно на Новый год наряжаюсь, как принцесса.

Я вообще наряжаться люблю. В ночнушку мамину шелковую, к примеру. Она – до пола, в рюшечках вся, и переливается здорово. Платье нарядное, как будто. У меня наряд-

ных платьев нет, и я сама их себе придумываю. Я даже штору старую тюлевую могу на себя наvertеть, и уже как королевна с картинки. Жалко, что у мамы клипсов мало. Раньше много было, только я все растеряла. Зато у мамы бигуди есть. Тяжелые, черные, блестящие такие! Я их на себя нацепляю, когда мама не видит. Только они держатся плохо, и уши задеваю. Неприятно.

По утрам мама бигуди в миске варит, и на волосы накручивает. Она по кухне в них ходит, суп на плите готовит, и на работу собирается. Потом снимает, конечно. Потому что на них шапка зимняя не налезает. У мамы шапка зимняя – меховая, блестящая, только не пушистая совсем. Из ондатры сделана. Я этих ондатр в Болшево видела, у тёти Тани и дяди Лёни. Ондатры – выдры такие. Только не в воде живут, а в сарае. В клетках огромных. И подходить нельзя. Потому что ондатра прутья может перегрызть и покусать больно. Очень эти ондатры злые. Поэтому из них шапки делают, наверное.

Шапки из ондатры – красивые очень. Я в маминой дома хожу и песни пою. Шапка уши закрывает, и песня громче получается. Я много песен знаю. У меня проигрыватель и пластинки есть. Там песни разные. И просто так песни, и из мультфильмов. Про «Бременских музыкантов» есть, и про Ухти-Тухти. Это Ежиха такая, которая всегда платочки стирала. А еще у нас взрослые пластинки есть, про «Синий-синий иней», и про «Вдох глубокий, руки шире, не дышите, три-четыре». Это я знаю, это Высоцкого песни.

Мне папа иногда такие колыбельные поёт. Редко, конечно, потому что стесняется. Он детских песен не знает совсем, и Высоцкого поёт. Про то, как «если я заболею, к врачам обращаться не стану-у-у-у...обращуся к друзьям». Мне в конце нравится очень, где «в изголовье повешу ночную звезду». У меня над кроватью тоже ночничок висит. Лилия фиолетовая, блестящая, с прозрачными лепестками. Как звезда прямо.

Мама, конечно, больше песен знает. И тоже поёт, если я попрошу. Только она все грустные песни поёт. Унылые, народные. Про молодую пряху, которая у окна сидит. Или про тонкую рябину. Она к дубу перебраться хочет. А дуб через дорогу растёт. Как же она доберется, если ходить не может? Неинтересные какие-то песни, тоскливые.

Я маму прошу лучше детские песни петь. Мне про Умку песенка нравится. Это где «ложкой снег мешая, ночь идет большая». Очень хорошая песня. Из мультфильма красивого. И мультфильм мне тоже нравится. Мне вообще все мультфильмы нравятся. Которые не кукольные, конечно. Кукольные – совсем не интересные. Там ручки и ножки отдельно, и верёвочки видны, на которых бабочки подвешены. Я про кротика мультик люблю, и про Кржемелика с Вахмуркой. Или про Лёлека и Болека, к примеру. Это два мальчика. Они всегда что-нибудь интересное придумывают.

А Кржемелик и Вахмурка – гномики лесные. В уютном домике живут, и всегда всем помогают. Я много мультиков смотрела. Про аленький цветочек, про гусей-лебедей, и про

снеговиков разных. Но про кротику и Кржемелика с Вахмуркой – мои любимые. Потому что домики уютные. А в других мультиках – волшебники страшные, или звери какие-то неправильные с птицами. И мне не нравится.

И фильмы детские мне не нравятся. Некоторые – глупые совсем, про Олю и Яло, например. Зачем у девочек усы? И форму они школьную носят, хотя и не в школе. Отличницы, наверное. Или вот кино «Морозко» тоже. Почему Настенька – рохла такая? Мачеха её обижает, за косу дергает. А та в ответ боится даже наглубить немножко! Не может за себя постоять. Мне больше фильм «Три орешка для Золушки» нравится. Очень сильно нравится! Золушка там красивая, боевая вся. И одежда у неё чудесная. И принц там красивый, и замок с каретами. Вообще всё в этом фильме замечательное, мне близкое! Хочу там жить.

Иногда я взрослые фильмы смотрю. Мне разрешают, если это про войну. Или «Клубкино-путешествий». Как люди в других странах живут. Мне бабушка с дедушкой разрешают телевизор на посёлке смотреть. Только они концерты одни смотрят. И мне не интересно. А если про майора Земана кино – тогда другое дело. Это про войну, там шпионы плохие всегда в болоте тонут.

А если дедушка концерт по телевизору смотрит, то я в сад иду гулять. Там гамак висит, и одеяло толстое бабушка мне уже постелила. Чтобы удобней было качаться. Я качаюсь себе, и песни пою. «Здесь вам не равнина, здесь климат иной,

идёт лавина одна за одной, и здесь за камнепадом ревет камнепад». Очень мне эта песня нравится. Как будто про войну, но не про войну вовсе. Я красиво петь стараюсь. Чтобы громко было. Мне даже Светка соседская говорит, что я как радио у них. Значит, я хорошо пою.

У Светки в саду сарай есть. Хороший сарай. Стол стоит, и диван старый с пружинами. Уютно в дождик сидеть. Капли по крыше барабанят резко. Гром гремит. А мы сидим себе, и здорово! Только пахнет в сарае плохо. Кошками старыми. У дедушки тоже сарай есть. Только там вещи навалены. Журналы, одежда старая. Перчатки боксерские висят большие, кожаные. Папа мой занимался в молодости. Шлем еще боксерский висит, смешной очень, в дырочку. Верстак в сарае есть, широкий такой. Очень в сарае тесно и неудобно.

Зато весной тут здорово в окно смотреть, как папа с дедушкой на улице дрова пилят. В сарае не холодно совсем, солнце в окно припекает. Я у окна стою и смотрю. Папа бревно толстое на козлы кладёт, и они с дедушкой пилить громко начинают. Козлы – не животные, у которых рога. Это подставка такая специальная, для брёвен. Стружки душистые из-под пилы веером разлетаются, блестят на солнце. В ручейки забиваются. Вода из сада на дорожку перед домом течет, и сосульки капаят громко. Прямо в лужи. Ручейки красивые журчат, и на солнце переливаются. А в саду еще сугробы огромные. И в огороде тоже. Опилки так вкусно пахнут! На солнце нагреваются, и ароматными становятся. По-

тому что – березовые. А мне жарко в шубе. И я ныть потихоньку начинаю. И меня в дом отправляют, обедать.

Я вообще покушать люблю. Особенно – пельмени и картошку жареную. Только у меня живот всегда болит, если много съем. Или когда на завтра – утренник в садике. Ну, это от волнения уже. Я всегда на утренниках выступаю. Потому что лучше всех стихи читаю. Громко и с выражением. Меня воспитатели всегда хвалят. Очень мне нравится, когда хвалят. А если живот болит – не нравится, конечно. Один раз он ночью разболелся, перед утренником как раз. И мама испугалась – вдруг это аппендицит какой-то? А я за маму испугалась, что она волнуется. И мы ночью в больницу нашу побежали, на другой конец городка. Потому что телефона в квартире нет, а на улице телефоны сломаны. И врача вызвать не можем. Мы долго до Пионерской бежали, где больница большая, красивая. С колоннами старинными, дворец как будто. Хорошо ночью на улице, тихо, людей нет, фонари в мокром асфальте отражаются. А доктор сказал, что ничего страшного, если живот болит. Это все – от волнения. И надо в ванночке теплой по вечерам сидеть. И экстракт хвои добавлять.

А как в ней сидеть, если у нас в новом доме на Солнечной воды не бывает? То есть она, конечно, есть немножко. Холодная. А горячая – ржавая всегда. Мама говорит, это потому, что дом наш новый. И трубы новые тоже. В них еще ржавчина не затвердела. А откуда в новых трубах ржавчина?

Они же – новые...

Когда воды в квартире нет, наш папа вёдра берет, и с другими папами за водой через дорогу идет, на пожарку. Это часть такая, военная. Там пожарные дежурят. Это наша пожарная часть номер сорок семь. На машинах красных так написано. И вышка там есть пожарная. И вода, конечно, тоже всегда есть. Вдруг где пожар?

Воду у нас отключают, и я в ванночках не сижу. И живот не проходит. Меня поэтому в «Семашко» положили. Обследовать. «Семашко» – больница наша, в Академгородке, старая очень. Зато – рядом. Не в Подольск ехать. Я в Подольск боюсь очень. Если туда везут – значит, все, умрешь скоро... Хорошо, что меня – в «Семашко»! Очень мне интересно было посмотреть, как это – в больнице лежать. Я прямо дожидаться не могла, когда же меня положат. И здесь интересно всё оказалось! Бабушка мне после работы бульоны куриные в термосе приносила. Потому что больница – с институтом рядом. Через дорогу.

У моей бабушки такие бульоны вкусные! С мясом белым. И вообще, все меня там навещали. Даже Саша, двоюродный брат-моряк, приходил с другом. Он в форме морской приходил, красивый такой, в фуражке. Я очень, конечно, застенялась. И выдрючиваться немножко начала. Ну, воображать немножко. Совсем чуть-чуть.

В «Семашко» масло соленое дают, и лечебные порошки в бумажках. Никогда соленое масло не ела. Мне нравится.

И вообще, здесь всё чудное очень... Кажется, что про меня здесь кино снимают, и я на себя со стороны смотрю. Как будто меня – две. Забавно очень. Вот я сижу и вижу, как я в палату зашла, а вот – в столовую. В телевизоре это вижу, как будто. И уши закладывает.

А еще тут из тумбочек пахнет странно. Печеньем и яблоками. Потому что всем яблоки приносят и печенье. Меня, наверное, выпишут скоро. Потому что я трубку резиновую не могу проглотить, чтобы сок пошел. И врачи сердятся здорово. Третий раз уже уговаривают. А я – не могу. Наверное, у меня горло маленькое.

....Ну, и что с того, что меня из больницы выгнали! И сами глотайте свои трубки! Живот-то не болит уже, и вот. И ничего я не трусиха. И врачей не боюсь. Мне даже бровь врачи без заморозки зашивали. Когда я в детском садике по столам прыгала, и упала нечаянно. Бровь пришлось ниткой с иголкой зашивать. Как у портного. И я не боялась.

Только я этого не помню уже. Маленькая совсем была, в младшей группе. Мне мама рассказывала. А вот когда мне коленку зашивали – это уже помню. Мы около дома играли, вечером, и темно. Скользко очень, потому что – март. Мы около дома в прятки играли, и я за бойлерную спряталась. А там хлам железный навален, и я поскользнулась случайно. И не больно было, когда упала. И кровь не сразу заметила, а только когда игра закончилась, и я под фонарь вышла. Тогда только я штанину распоротую увидела. И крови много. Я,

конечно, домой сразу побежала. Думала, это царапина, и надо зеленкой помазать. А мама испугалась, потому что там не царапина была. И мы снова в «Семашко» побежали. Только не в большое здание, а в маленькое, деревянное, рядом. Там хирург добрый сидел, дедушка старый. С усами, и в форме военной. Он по телевизору маленькому черно-белому кино про войну смотрел. Я тоже хотела кино про войну посмотреть, но дедушка сказал, что сначала ногу мне зашьет. А потом я сколько угодно кино могу смотреть. А мама сказала, что заморозку мне нельзя. Аллергия потому что. И хирург фуражку снял, иголку толстую достал, гнутую всю, и нитку в нее продел. И сказал, что я кричать могу, сколько захочется. Если вдруг больно будет. А мне интересно было, как это – ногу зашивать. Я ведь не помню, как бровь зашивали. Маленькая была, в младшей группе. А сейчас-то я в старшей уже. Но мне все равно очень больно было. И я плакала, конечно, и на хирурга ругалась. Зато потом две недели в садик не ходила! Я дома с мамой сидела, и мама мне книжки читала. Я, конечно, и сама читать умею. Только мне больше нравится, когда читают. И с мамой дома сидеть очень понравилось. Потому что я редко болею, и не бываю дома вообще. Редко маму вижу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.